

Бронзовый Гоголь

Полтора века назад умер автор «Старосветских помещиков»

Независимая. — 202 — 5 марта. — С. 8.

Лев Пирогов

В истории литературы все просто. Народ породил Пушкина, Пушкин разбудил Лермонтова, а Гоголю досталось почетное третье место — самое нелепое на пьедестале. В самом деле, ведь истории нужен первый и тот, кого он опередил. Зачем истории третий?

Пушкин и Лермонтов сложили головы на дуэли, Гоголь умер непонятно и некрасиво. Ходят слухи, что его похоронили заживо: когда зачем-то вскрыли могилу, он якобы лежал в гробу лицом вниз.

Пушкин — поэт света, Лермонтов — поэт сумерек, Гоголь вообще не поэт. Только запугал мозги школьникам, назвав за чем-то поэмой роман. Все у него не слава богу. Поэт света «сообщил» сюжеты главных произведений, критики диагностировали некрофилию и латентный гомосексуализм, украинцы перевели на украинский... Словно мучимый дурными предчувствиями, Гоголь за месяц до смерти сжег все, что было еще не поздно.

Никто толком не понял, зачем он жил и почему писал. Школьное литературоведение представляет Гоголя этаким обществу полезным шутом, литературоведение «взрослое» — мучимым фобиями и перверсиями мизантропом. Косвенный комплимент — «новый Гоголь родился» — и то сказано по поводу одной из самых кислых повестей Достоевского.

А тот запомнил и вернуть долг: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». О, этот петербургский цикл... Самое настоящему страшное, что породил угнетенный гоголевский дух. Не нанизанные на копья младенцы, не освежаванные казаки из «Страшной мести», не фольклорная чертовня, а вот эти самые повести: нудные, как зубная боль, беспросветные, как депрессия в ноябре, и затхлые, как Петербург Достоевского.

Дело в том, что Гоголь не любил городов. Ни серокаменного Петербурга, ни фальшивых европейских столиц, ни даже пресловутой Италии, ко-

**Гоголь всегда живой,
Гоголь всегда с тобой.**

торая лишь тепшила глаз да напоминала родную Полтавщину. Задыхаясь от смущенья и нежности, он любил обвалившееся крыльцо и скрипучие двери отцовского дома, эпическую лужу посреди Миргорода, гусей, бороздящих ее покойную гладь, да еще ту свинью — помните? — которая слопала жалобу Ивана Никифоровича...

Ивана Никифоровича с его дынями тоже любил, да вот

только черт подгадал родиться с умом и талантом!.. Скучно с ними среди дынь, господа.

Сука и честолюбие погна-ли Гоголя в чужие края — поближе к Пушкину, к свету («Что Александр Сергеич, дома ли?» — «Почивают» — «Наверное, всю ночь работал?» — «Как же, работали, в картишки играли-с»), к «Московскому телеграфу», Невскому проспекту и театральным подъзда-м.

Потом были Рим, Париж, Ницца, Остен, Неаполь, Иерусалим... «Еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме. У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия».

Гоголь теплил внутри себя пронзительно чистую, добрую ноту, которой не захотел услышать никто из литературных социологов и формалистов. Он был писателем-деревенщиком. Не в узком идеологичес-

ком смысле, а по характеру дарования. Помните пушкинское «О гус, о Русь»? Поколение чистопородных писателей-урбаноидов вылупилось на свет недавно, а раньше-то у всех она, эта гус, была. У Набокова — другие берега и дачный рай детства, у Шукшина — Алтай и калина красная, а у Гоголя — Миргород, Сорочинцы да Диканька с бревенчатой осевшей церквушкой, где висит икона мученика Николая.

«Чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себе, что приеду со временем на прежнее, ныне опустелое жилище и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, — и ничего более. Жизнь... так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении». Что еще?.. Все. Это — Гоголь. ■